

АНТОНИМИЧЕСКИЙ ЭПИТЕТ В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

В статье рассматривается явление антонимии в текстах Марины Цветаевой на примере употребления эпитетных слов с контрастной семантикой. Обращается внимание на широкое понимание антонимии, представленной семантически и грамматически. Подчеркивается значимость антонимии для языка поэта, его внимание к индивидуально-авторским антонимам, выраженным спектром эпитетных слов, обретающих статус определения в узком контексте.

***Ключевые слова:** эпитет, антонимия, Марина Цветаева, контекст, семантика.*

Антонимия как явление философское и мировоззренческое является неотъемлемой частью человеческого мировосприятия. Стремление постичь реальность во всем ее многообразии и противоречии заставляет человека с разных сторон изучать и оценивать объекты окружающей его действительности. Язык как ни один из механизмов постижения и объяснения мира чутко отражает контрастные явления.

Контраст и антонимия изучались многими лингвистами, которые понимали их как схожие языковые феномены, а иногда и довольно далекие, если исходить из широкого или узкого понимания данных терминов.

Согласно широкой трактовке, к антонимам принято относить не только языковые (узуальные), но и речевые (контекстуальные, индивидуально-авторские, окказиональные) антонимические единицы. Включение окказиональных антонимов в круг изучаемой антонимии позволил ввести такие термины, как антонимический контекст, антонимический блок-композит [Введенская 1966]. Не останавливаясь подробно на истории изучения антонимии, отметим, что взгляд на антонимию как на сложное системное явление привел к признанию достаточно дробной типологии антонимов: речевых, языковых, полных, неполных, комплементарных и т.д. [Халиков 1983].

Прилагательное обладает наиболее пластичной семантикой, вбирая в себя разнообразные признаки объекта, актуализируя те, что востребованы

здесь и сейчас. Это касается в первую очередь качественных прилагательных, но также и относительных, о чем пишет С.А. Виноградова: «Важнейшей семантической чертой относительного отсубстантивного прилагательного является пластичность его семантики, которая заключается в способности прилагательного «высвечивать» (актуализировать) в сочетании с описываемыми существительными различные релевантные для конкретного употребления семантические признаки исходного слова» [Виноградова 2018: 7]. Такое комбинаторное варьирование всегда основывается на контекстуальной конкретизации общекатегориального значения, трансформации значений. Поэтому прилагательное наиболее часто является выразителем разного спектра значений, в том числе и антонимических.

Также С.А. Виноградова подчеркивает значимый для нашего исследования факт: семантика прилагательного обладает свойством проективности, а именно: «на семантическую структуру прилагательного в разной степени проецируются вторичные значения и семантический потенциал исходного слова» [Виноградова 2018: 8]. Это убеждает нас в том, что неузуальные словоупотребления являются в какой-то мере системным явлением в языке, а не только приметой поэтического языка.

Таким образом, именно эпитет в классическом его понимании (прилагательное) является одним из основных средств выражения антонимической семантики, включая причастные формы глагола. Другие части речи – наречие, местоимение, числительное, существительное и другие – могут быть названы нами *эпитетными словами*, что не противоречит пониманию эпитета в широком смысле как слова любой части речи, способной выполнять функцию авторской характеристики объекта [Губанов 2016].

Антонимические языковые единицы в текстах Марины Цветаевой исследовались многими учеными [Громова 2010, Губанов 2016, Зубова 1999, Ляпон 2001, Ревзина 2009]. Их продуктивность связывается с доминантными особенностями идиостиля поэта, а именно такими, как парадоксальность поэтического мышления [Ляпон 2001], предельность, подразумевающая исследование пределов бытия [Зубова 1999], «безмерность» языка, подчеркнутая экспрессивность [Ревзина 2009]. В работах Е.Г. Кашицыной содержатся ценные наблюдения за системой антонимии в прозе Марины Цветаевой: описываются виды стилистических фигур, построенных на контрасте, типы антонимических парадигм, антонимических полей и блок-композиций [Кашицына 2014, 2019]. Исследователем установлено, что антонимия в прозе Марины Цветаевой представлена очень многопланово: словами, словосочетаниями, фразеологическими единицами, различными частями речи, антонимическими парадигмами и блоками. Несмотря на это, непроанализированными остаются именно антонимические эпитеты,

которые представлены разнообразными грамматическими вариациями, что особенно ценно для уяснения особенностей авторского стиля.

В работах А.М. Надежкина, А.А. Порошиной, Г.А. Судоплатовой содержатся наблюдения за парадоксальностью языка Марины Цветаевой, что также значимо для данного исследования [Надежкин 2012, Порошина 2009, Судоплатова 2012].

Объектом анализа в данной статье выступает называемый нами антонимический эпитет, то есть эпитетное слово (лексема в функции эпитета), имеющее в контексте противоречивую семантику как в пределах конструкции «эпитет+определяемое слово», так и в рамках эпитетного ряда, в сочетании с несколькими соседними лексемами, в текстах Марины Цветаевой. Методами исследования выступили описание языковых фактов, семантический анализ, когнитивный анализ, статистические методы.

Материалом для анализа в данной статье послужили тексты Марины Цветаевой: это стихотворения, поэмы, в том числе фольклорные, прозаические тексты (эссе, воспоминания, дневниковые записи, письма), драматургия. Всего выявлено 1087 контекстов с антонимическими эпитетами.

Примеры употребления эпитетов приводятся из текстов собрания сочинений Марины Цветаевой в 7 томах с указанием номера тома и номера страницы [Цветаева 1994].

Под антонимическим эпитетом понимаем такую конструкцию, в которую входит эпитетное слово (лексема, выступающая в функции эпитета) с контрастной семантикой. Данная семантика проявляется в контексте как грамматически (структурно) – при наличии противительных союзов, противопоставленных речевых отрезков, так и лексически – при противопоставлении семантики эпитетных слов.

Безусловное большинство контекстов с антонимическими эпитетами составляют неузуальные, индивидуально-авторские конструкции, в которых контрастные объекты и их признаки подобраны нетривиально и в языке не продуктивны. Данный факт высвечивает авторскую манеру поэта, особенности его уникального поэтического языка, построенного на контрастах, пытающегося вместить в себя всю гамму чувств «безмерного мира» личности М. Цветаевой.

В текстах Марины Цветаевой фиксируем следующие структурно-семантические типы антонимических эпитетов.

1. Однословные антонимические эпитеты представлены сочетанием «эпитет+определяемое слово». Данный тип является самым распространенным и частотным (877 примеров употребления). Наиболее яркие примеры приведем далее.

Классическими примерами эпитетов-контрастов будут эпитеты, выраженные прилагательными. Но здесь нужно различать два принципиальных момента.

1.1. Антонимические эпитеты в сочетании с определяемым словом в рамках двухсловной конструкции. В таком варианте происходит противопоставление признака и определяемого им слова (таких контекстов немного, поскольку они окказиональны: 27 примеров употребления):

Утренняя ночь [Цветаева 1994, т.2: 57]; *Площадь – людная пустыня* [Цветаева 1994, т.4: 87]; *Ах, опять у меня сегодня были тысячи выносимых невыносимостей!* [Цветаева 1994, т.2: 57].

Такие эпитеты окказиональны, семантически эпитет и определяемое слово довольно далеки; они призваны передать смятенность души поэта, пограничное чувство, не похожее ни на что, отчего и объекты реальности кажутся противоречивыми при их восприятии: площадь без любимого человека пустынна, а бессонная ночь похожа на раннее утро.

Или:

*Вы когда-нибудь забываете, когда любите – что любите? Я – никогда. Это как зубная боль – только наоборот, **наоборотная зубная боль**, только там поет, а здесь – и слова нет. (Подумав: поет?)* [Цветаева 1994, т.4: 321]. Слово-окказионализм *наоборотная* призвано передать контраст на уровне лексемы-эпитеты: любовь как зубная боль, только она незаметна.

1.2. Антонимические эпитеты при разных определяемых словах. В данном случае контраст более заметен, поскольку противопоставляются словосочетания (850 примеров употребления).

Повтор антонимических эпитетов при разных определяемых словах создает эффект нарастания противоречия и его неизбежности:

*Это чувство **сладчайшим недугом***

Наши души терзало и жгло.

Оттого тебя чувствовать другом

Мне порою до слёз тяжело.

От тебя, утомленный анатом,

*Я познала **сладчайшее зло**.*

Оттого тебя чувствовать братом

Мне порою до слёз тяжело [Цветаева 1994, т.1: 119].

В эту группу входят эпитеты-наречия как напрямую противопоставленные:

*Так, как ни странно: **отшельничают вместе**, **кочевничают врозь*** [Цветаева 1994, т.4: 97], а также единицы разных лексических типов (слово категории состояния и наречия):

Никто ничего не отнял –

*Мне **сладо**стно, что мы **врозь!***

Целую вас через сотни

Разъединяющих верст [Цветаева 1994, т.1: 252].

2. Сложные двукорневые антонимические эпитеты (97 примеров употребления) встречаются большей частью в поэтических текстах М. Цветаевой. Сочетание нескольких семантически далеких признаков рождает особый эффект: контрастные признаки, соприкасаясь друг с другом в едином контексте, сближаются и уже трудноотделимы.

Как любовь забываемо-нова... [Цветаева 1994, т.1: 76]; *Не оживший плод – цветок неживше-свежий* [Цветаева 1994, т.1: 98]; *Я хочу той себя, несчастно-счастливой...* [Цветаева 1994, т.6: 29]; *Без ласково-твердой хозяйской руки – Скучают мохнатые пчелки* [Цветаева 1994, т.1: 70]. Перед нами одна из разновидностей антитетического эпитета – «внутриэпитетный оксюморон»: антитеза выражена в рамках сложного прилагательного.

Так, любовь предстает как сложное чувство, которое быстро проходит, забывается, но также и быстро появляется, становится новой; цветок, только что сорванный и кажущийся живым, но уже обреченный на смерть.

Особо отметим так называемый зеркальный сложный эпитет с дефисным написанием, имеющий контрастную семантику:

Если наша встреча слепо-зрячая, то те любви зряче-слепые [Цветаева 1994, т.7: 194].

Особенностью творческого почерка М. Цветаевой является то, что антонимические отношения предельно уточняются и детализируются поэтом: обращается внимание на первый, более важный компонент эпитета, второй воспринимается как менее важный. Встреча – случайная, поэтому слепая, но любовные отношения, бывшие ранее, – существовали, но были несчастными, а потому именуются слепыми. Сложный признак может поворачиваться различными сторонами, зеркально актуализируя то первый, то второй компонент значения.

3. Распространенные антонимические эпитеты (82 примера словоупотребления) представлены эпитетным рядом, в который входит составной эпитет, выраженный причастным или деепричастным оборотом, уточняющей конструкцией, придаточным предложением. Распространение эпитетного ряда дает возможность более подробно и полно выразить все параметры противопоставляемых объектов, усилить их контрастность, обратив внимание на неуловимые детали. Данный тип эпитетов на 90% представлен прозаическими текстами М. Цветаевой и, безусловно, окказионален.

Приведем некоторые примеры.

Распространенный антонимический эпитет, выраженный причастным оборотом:

Моя любовь – это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям [Цветаева 1994, т.6: 110].

Парадоксальность фразы передана распространенным составным эпитетом, выраженным согласованным определением, который может трактоваться как определение любви вообще, безмерное чувство, потребность заботы о ком-то близком.

Вновь зеркальность признаков проявляется, но уже на более глубинном уровне во фразе:

Два встречных движения: продвигающегося возраста и отодвигающегося, во времени, художественного соответствия. Прибывающего возраста и убывающего художественного восприятия [Цветаева 1994, т.5: 336].

Перед нами уточняющий эпитет: *прибывающий* и *продвигающийся*, причем уточнение авторское, синонимия контекстуальна и неочевидна, метафорична, основана на пространственной метафоре времени; вторая метафора-эпитет еще более сложна, так как относится к абстрактному объекту – восприятию (*убывающего и отодвигающегося во времени*).

Такой эпитет может обрастать уточнениями, контраст проявляется в целой фразе:

Лазарь, возвращающийся оттуда: мертвый к живым, и Орфей, спускающийся туда: живой – к мертвым [Цветаева 1994, т.4: 520];

Распространение эпитетного ряда может быть выражено придаточным предложением:

Забота бедных: старое обратить в новое, богатых: новое в старое [Цветаева 1994, т.5: 487]; *Неприлично быть голодным, когда другой сыт* [Цветаева 1994, т.5: 303].

Как и в предыдущем примере, мы видим несколько антонимов: на уровне субстантивов в зеркальном исполнении, но вся фраза представляет собой распространенный составной антонимический эпитет, поскольку дается характеристика целой ситуации (в нашем понимании, перед нами фразовый эпитет).

Авторским окказиональным графическим приемом оформления контрастных признаков может служить помещение антонимического эпитета сразу после противоположного признака в скобках и с восклицательным знаком, что передает удивление, смятение, боль и т.д.:

Я знаю мать, покупающую молоко чужому (больному!) ребенку только для того, чтобы не погиб ее собственный (здоровый!) [Цветаева 1994, т.2: 57].

4. Распространенные антонимические эпитеты-предложения, соединенные союзами *а, но, чем, тем, не* (31 пример употребления).

Данный вид антонимических эпитетов интересен тем, что представляет собой описание целой ситуации, в которую вовлекаются несколько сопоставляемых объектов и множество признаков. Все они в основном взяты из прозаических текстов М. Цветаевой. Е.Г. Кашицына причисляет их к антонимическим блокам, которые входят, в свою очередь,

в антонимические поля [Кашицына 2019]. Союзы, связывающие несколько таких ситуаций, отражают в своей семантике тип противительных и усилительных отношений.

Приведем примеры.

Детям своим я пожелаю не другой души, а другой жизни, а если это невозможно – своего же несчастного счастья [Цветаева 1994, т.6: 226].

При сохранении одного эпитета поэт меняет объекты противопоставления, вторая же часть предложения содержит антонимический эпитет первого типа (см. выше).

Не тихоня, а тишайший, не херувимчик, Cherub (от фр. «херувим»), не маменькин сынок, а сын – матери, не стародамский угодник, а ревнитель древнейшей заповеди, не белоподкладочник – сама белизна, не черносотенец – горностай [Цветаева 1994, т.5: 123].

В безличной конструкции союз заменяется авторским излюбленным знаком препинания – тире, выражающим высшую степень проявления признака:

Красивость – внешнее мерило, прекрасность – внутреннее [Цветаева 1994, т.6: 224]; *Ноги – для других женщин – object de luxe, для меня – object de premiere – fatalc – extreme – necessite (предмет роскоши, предмет первой – роковой – крайней – необходимости) (фр.)* [Цветаева 1994, т.7: 366].

Цепочка противопоставленных признаков рождает составной антонимический эпитет уточняющего типа:

После тайного сине-лилового Пушкина у меня появился другой Пушкин – уже не краденый, а дареный, не тайный, а явный, не толсто-синий, а тонко-синий, – обезвреженный, прирученный Пушкин издания для городских училищ с негрским мальчиком, подпирающим кулачком скулу [Цветаева 1994, т.5: 73].

Перед нами моделируется некая пропозиция, авторская ситуация, в рамках которой разворачивается окказиональное означивание признаков. Еще одним таким примером может служить отрывок, содержащий окказионализм моее:

Чтобы все сказать: игра в schwarze Peter была то же самое, что встреча с тайно и жарко любимым – на людях: чем холоднее – тем горячее, чем дальше – тем ближе, чем чуждее – тем моее, чем нестерпимее – тем блаженнее [Цветаева 1994, т.5: 41].

Сложную антонимию наблюдаем в отрывке о Боге и Черте. Непривычная смена полюсов рождает множество авторских размышлений о собственном опыте общения с ними:

Бог был – чуждой, Черт – родной. Бог был – холод, Черт – дар. И никто их них не был добр. И никто – зол. Только одного я любила, другого – нет: одного знала, а другого – нет. Один меня любил и знал, а другой – нет. Одного мне – тасканьями в церковь, стояньями в церкви,

паникадиллом, от сна в глазах двоящимся: расходящимся и вновь сходящимся – Ааронами и фараонами – и всей славянской невнятицей, – навязывали, одного меня – заставляли, а другой – сам, и никто не знал [Цветаева 1994, т.5: 126].

Рассмотрение антонимического эпитета и его структурно-семантических разновидностей в текстах Марины Цветаевой привело нас к следующим выводам. Антонимичность и контрастность – наиболее яркие черты творческого почерка Марины Цветаевой, что находит свое выражение в языке ее произведений. Противопоставленность поэта миру, непонимание окружающими, безответность в любви – все это привело к повышенной эмоциональности ее поэзии. Антонимом-эпитетом становится как привычное прилагательное, так и слова других частей речи, называемые нами эпитетными словами. Зачастую лексема обретает неузуальную антонимию в конкретном контексте. В процесс антонимизации включаются не только слова, но и выражения, фразы, так что антонимическая структура разрастается до нескольких предложений, что особенно заметно на материале прозы поэта. Данные наблюдения за языком М. Цветаевой будут полезны не только в рамках цветаеведения, но и для изучения лексической и грамматической антонимии русского языка.

Библиографический список

Введенская Л.А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Ученые записки Курского и Белгородского педагогического институтов. Курск, 1966. Т. 25. Вып. 2. С. 128–135.

Виноградова С.А. Семантика английского прилагательного (на материале относительных прилагательных): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2018. 37 с.

Громова А.В. Эстетическая актуализация имён прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах в лирике М.И. Цветаевой // Сибирский филологический журнал. Вып. 1. Новосибирск, 2010. С. 228–232.

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: монография Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 232 с.

Кашицына Е.Г. Фигуры, построенные на основе контраста, в прозе М.И. Цветаевой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2 (26). С. 52–62.

Кашицына Е.Г. Система антонимов как средство выражения контраста в прозе М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2019. 24 с.

Ляпон М.В. Семантика парадокса (М. Цветаева: проза, дневники, письма) // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений: 8-я цветаевская международная научно-практическая конференция: сборник докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2001. С. 255–263.

Надежкин А.М. Корневой повтор в художественной речи Цветаевой // Вестник Нижегородского государственного университета. 2012. №3-1. С. 393–395.

Порошина А.А. Семантический сдвиг как следствие семантической аппликации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. №2. С. 164–165.

Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 600 с.

Судоплатова Г.А. Стилистические функции оксюморона в поэзии Марины Цветаевой // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарного педагогического университета. Филология, история, востоковедение. 2012. № 2 (43). С. 57–60.

Халиков М.М. Лексико-семантическая характеристика антонимических контекстов (на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 156 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.